

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ТОПИКА САМОИДЕНТИЧНОСТИ

Чернышева Марина Михайловна

К.ф.н., доцент, Морской Государственный Университет

Г.И. Невельского

chernarina@yandex.ru

EXISTENTIAL PSYCHOLOGY: THE TOPIC OF SELF-IDENTITY

M. Chernysheva

Summary: This article discusses the foundations of existential psychology. The essence of this doctrine is highlighted, including from the point of view of existential psychologists, which include L. Binswanger, M. Bos, I. Yalom and others. The general ideas expressed in the teachings of these psychologists are generalized, their minuses and pluses are revealed. The features of human self-identity are studied through the prism of these teachings. As a result, the conclusion is formulated that L. Binswanger discussed the topic of self-identity in the most detail.

Keywords: existentialism, psychology, man, doctrine, world, processes.

Аннотация: В представленной статье рассматриваются основы экзистенциальной психологии. Освещается суть данного учения, в том числе, с точки зрения экзистенциальных психологов, в частности, Л. Бинсвангера. Обобщаются общие идеи, высказанные в учениях данного психолога, выявляются минусы и плюсы. Изучаются особенности самоидентичности человека через призму данного учения. В результате формулируется вывод о том, что Бинсвангер уделял самоидентичности человека особое внимание.

Ключевые слова: экзистенциализм, психология, человек, учение, мир, процессы.

Экзистенциальная психология исходит из того, что люди различаются не только особенностями протекания различных психофизиологических процессов, но и различиями, обусловленными целостностью человека, который существует в мире. Но при этом экзистенциальные психологи (Л. Бинсвангер, М. Босс, И. Ялом, Р. Лейнг, Р. Мэй, В. Франкл и др.) признают, что в отличие от гуманистической психологии, экзистенциальный подход больше говорит не о развитии потенциала человека, а об ограничениях; не о пиковых переживаниях и глубинной целостности, а о тревоге; не о самоактуализации, а о смысле жизни; не о встрече с другим, а о «заброшенности» человека. Экзистенциальный взгляд видит человека не как субъекта, воспринимающего внешнюю реальность, но как сознание, участвующее в построении реальности.

Экзистенциальная психология, имеющая основания в идеях М. Хайдеггера и др., в основном использует словарь именно этого философского направления. Экзистенциальному подходу свойственно недостаточное прояснение семантического поля конструктов в рамках их методологической общности; отход от детерминизма и экспериментальных методов. Принцип становления является наиболее важным в экзистенциальной психологии и конкретизируется через конструкты: порядка (Л. Бинсвангер), онтологической защищенности/незащищенности (Р. Лейнг), ответственности (Р. Мэй, И. Ялом и др.), спонтанности и открытости (М. Босс и др.). Методы, используемые экзистенциалистами, построены по существу на самоотчете, экзистенциальное исследование подчинено цели найти проект или фундаментальные отношения, к

которым сводятся все поведенческие проявления [8].

Основным принципом в концепции Л. Бинсвангера является принцип порядка, который раскрывается им с помощью понятий «согласованность опыта», «омирение», «трансцендентальный горизонт», «проект мира». Принято считать, что Л. Бинсвангер в Daseinanalyse философскую позицию М. Хайдеггера перенес на конкретное человеческое существование, сделав фундаментальную онтологию совершенно земной и осязаемой (конкретной). Для нас это означает, что рассуждения автора о человеке касаются его включенности в мир на онтическом уровне (месте) существования (не на уровне умения быть, а на уровне умения жить).

Л. Бинсвангер считает, что структура, которая превращает хаос Ничто в порядок – это Dasein как опытное существование. Согласованность естественного (непосредственного) опыта удерживает человека от «омирения», позволяя миру быть таким, как он есть сам по себе: «Непосредственность этого пребывания среди «вещей» или «обстоятельств» проявляется в нашем позволении сущим – всем сущим – быть как они есть в себе».

«Омирение», говорит Л. Бинсвангер, возникает в результате несогласованности между «высотой» и «шириной». При этом «высота» – это мир его возможного опыта (мир возможностей), а «ширина» – мир действительного опыта. Как видим, специфика «омирения», по Л. Бинсвангеру, состоит в несогласованности между освоенным опытом (то, что человек переживает как знакомое, как то, что он умеет) и миром его возможностей. Несогласованность опыта переживается как антиномическое напря-

жение (или- или). Иными словами, возникает конфликт между действительным и потенциально возможным.

Таким образом, человек Л. Бинсвангера, в случае «омирения» утратил отношение к миру (настроенность на мир) как знакомому («подручному»), что делает его существование неукорененным, шатким и в силу того, что человек не понимает мира как близкого ему, «свойского» [2].

Особую роль в концепции Л. Бинсвангера играет понятие смысловой матрицы («трансцендентального горизонта»). Трансцендентальный горизонт как предел опыта – граница, смысловой контекст (способ включенности человека в мир), ответствен за согласованность опыта и осуществление человека. Узкая смысловая матрица (узкий горизонт понимания и возможностей) приводит к несогласованности опыта, рождая «проект мира», направленный на защиту от Ужасного Ничто.

В этой несоразмерности усматривается, что Л. Бинсвангер, в сущности, описывая горизонт онтического модуса (места) бытия человека (горизонт возможных значений), отмечает возможность его еще большего ограничения планом, который психотерапевт называет «проектом мира» (жестко *ограниченный* круг представления человеком мира - образ мира).

Таким образом, в некотором приближении, в результате несогласованности опыта перед нами две «неприсутствиеразмерные» вещи («наличное» существование и «наличный» мир), которые не могут войти в круг понимания. А значит, если в данном случае человек Л. Бинсвангера лишен понимания, то он радикально закрыт и не способен проявить себя как «могущее бытие», т. е. «заботиться» о других и быть ради себя. Человек и мир никак экзистенциально не соприкасаются, т. к. человек не «расположен» к «бытию-в-мире» как целому значению.

При этом Ужасное Ничто человек Л. Бинсвангера переживает как онтический модус Ужаса, как страх перед внезапным и незнакомым (не получившим значения), т.е. как страх перед неизвестным, неосвоенным миром вещей и людей. Человек оказывается «заброшенным» в глубину сущего. В случае «омирения» человек тратит много сил на создание «проекта мира» (по сути, подстраивая мир под свои *пред – ставления, значения*), оставаясь пассивным в своем осуществлении себя, в само-стоянии [9].

Понятно поэтому, что понятие «проект мира» Л. Бинсвангер использует в том числе и для того, чтобы обозначить отказ Dasein от самого себя, от своего предназначения быть самим собой, быть целостным (жестко ограниченный проект мира, в свою очередь, ограничивает возможности человека сутью дефектный круг суще-

ствования). По Л. Бинсвангеру, у человека не остается сил находиться в двойственном модусе существования, нет мужества и решимости, т. к. вся сила ушла на создание «проекта мира» (жестких обозначенных границ). По сути, потребность в заботе и потребность заботиться не получают удовлетворения.

В этом случае «проект мира» начинает руководить личностью и, как следствие, человек предан, отдан в руки «проекту мира», ему жутко снова обрести себя. Он не способен *стать* активным (умелым), мужественным, решительным, взять ответственность на себя за свое становление.

«Проект мира» создает идею мира (это близко к тому, что И. Кант называет идеями разума), говорит Л. Бинсвангер, цель которой защитить человека от Ужаса и паники перед Ничто (страха перед неизвестным). Идея становится основой идеала («Я-идеальное»).

Вероятно идеал – это запрет миру быть таким как он есть сам по себе (переделывание мира под свои представления), когда мир объясняется, а не понимается. Но так как «проект мира» несвободен, узок, однозначен (однообразен), а идеал – не имеет полного, конкретного, адекватного воплощения в опыте, поэтому пустоты (отсутствие значений) оставленные «проектом мира» рождают экзистенциальную тревогу как переживание угрозы. Но как угрозы исходящей от внешнего мира, т. к. Dasein перестает доверять себе и не может осознать, что Ужас в нем, внутри. Чем сильнее, жестче идеал-запрет (идеал-объяснение), тем сильнее экзистенциальная тревога прорывается в пустоты Dasein, как его понимает Л. Бинсвангер [2].

Таким образом, т.к. Dasein всегда со-существование, как бытие-в-мире среди вещей и людей, а в случае «омирения», как сосуществование среди «наличных» вещей и людей. В этом случае человек не имеет места «обитания» и «пребывания». Идеал мира является своеобразным его дублем (идеальным, но не реальным), который закрывает мир как он есть сам по себе, не оставляя места его реальным значениям.

Несоразмерность Dasein (как его понимает Л. Бинсвангер), приводит человека к крайнему аутизму, человек сокращает свои связи с миром людей и отказывается от сосуществования, от открытости, от доверия себе (как «мере» всех вещей) и миру, (который утратил, как видно, такие характеристики как знакомость и «свойскость»). Человек теряет основания в мире и уверенность в себе. Предавая себя миру, Dasein обретает позицию «Я слабое – мир сильный».

Согласованность Dasein (согласованность опыта как многообразие значений) позволяет человеку «стоять на

земле» обеими ногами, без опоры, полагаться на себя, озаботиться собой (быть активно-умелым).

В этом случае человек, как можно понять, «настроен» на «бытие-в-мире» как знакомое («подручное», имеющее значение) бытие, с которым человек «имеет дело». Еще раз отметим, что «омирение» приводит к дефективным модусам «озабочения» и «кровом» становится внешний мир, который в этом случае захватывает человека и он перестает понимать себя и мир.

Критически оценивая становление объяснительного идеала как идеального способа существования и защитной границы от Ужаса перед неизвестным (страх рождает жесткие границы-запреты, а не наоборот), Л. Бинсвангер полагает, что идеал - это попытка человека договориться со своим страхом, упрямить его не причинять ему вреда (ограничить его), т.к. Dasein не верит в себя и его «подстерегает все что угодно». Человек теряет свое местоположение, т. к. утрачено основание и ему, собственно говоря, негде стоять, у него нет своего места в жизни, существование *закрывается* для самого себя, Dasein становится «бытием-носимым-из-стороны-в-сторону», таким бытием, где «...границы пространства, внутри которых движется Dasein, чрезвычайно изменчивы». Крайний аутизм, изоляция и неуверенность приводят к утрате существования как умения жить.

По сути, в мире вещей и людей, несмотря на свое непонимание и недоверие ему, человек Л. Бинсвангера ищет защиты (мир вещей и людей является исходным, а не конечным пунктом познания). Субъект становится все более зависимым от него (мира) и все более *запутывается*, т.к. несоразмерность «высоты» («могу» как горизонт возможностей) и «ширины» («могу» как действительная возможность в мире вещей и людей) прерывает равномерное круговое движение и восхождение к истине. Такие важные экзистенциалы как вина, совесть, стыд отсутствуют, т.к. идеал защищает (закрывает) от них. Все вопросы направлены не к себе, а к миру (не к внутреннему контексту, но к внешнему). Когда экзистенциальная тревога все же прорывается, мир уничтожается. Dasein, как его понимает Бинсвангер, утрачивает основание в мире и человек не находит причин для своей тревоги.

Так как «из-за чего» тревоги – из Ничто, из-за необходимости существования перед лицом Ничто (перед неизвестным миром вещей и людей). «Для чего» тревоги, по Бинсвангеру, – это беспокойство тревоги о стоянии Dasein перед неизвестным, это возможность восхождения (от *моего* существования к *собственному*), если только Ничто *не объективируется* (не *означивается*), как ужасная реальная (*внешняя*) сила, а экзистенциально переживается, понимается и человек «...проходит сквозь нее».

«Проект мира» (мои представления о мире), в силу

своей узости, ограниченности и отсутствия места для самостояния, делает существование человека элементарным (по сути, раздробленным на элементы), отмечает Л. Бинсвангер. Слабое, бесполезное Dasein трансформируется в предметность, в «омирение», т.к. Dasein «...отказалось от самого себя и предалось в руки мира». Человек полностью снимает с себя ответственность за свою жизнь и перекладывает ее на других. Тогда Ужас перед неизвестным персонифицируется во врагов. Таким иллюзорным способом человек пытается структурировать простое и таинственное, а потому ужасающее неизвестное.

Вероятно Ужас перед неизвестным миром, лишая человека своего местоположения в мире, приводит к конфликту между желанием полагаться на других и невозможностью этого из-за недоверия и враждебности. Такой человек истово желает переложить ответственность на других, получить от них защиту, но из-за своей враждебности и недоверия это желание неосуществимо. Он тратит много энергии, чтобы укрепить уверенность в себе, но чем сильнее экзистенциальная тревожность, тем основательнее идеал-запрет («Я-идеальное»), обедняющий существование. Базовая тревога означает эмоциональную изоляцию человека в сочетании с чувством внутренней слабости Dasein. Ужас перед неизвестным продолжает существовать, даже если в наличной ситуации нет никакого специального его возбудителя, нет причин для него, «из-за чего» тревоги все равно есть, Ужас исходит отовсюду.

Ужасное как страх неизвестного и незнакомого, переживается как чувство собственной незначительности, беспомощности, покинутости, подверженности опасности со стороны «наличного» мира, в котором есть обман, обиды, оскорбления, предательство, зависть. «Я» практически перестает существовать, человек превращается в машину-автомат, которая исполняет чужие приказы. «Я» *не отличает* внутренний мир от внешнего, внутренний мир становится внешним миром. Убежденность, что мир опасен, является на самом деле, зеркальным отражением своей собственной враждебности. Возникает иллюзия, что все происходит снаружи, а внутри ничего.

«Иметь свое место в мире», Л. Бинсвангер толкует исходя из феноменолого-герменевтического взгляда на человеческое существование, – это делать усилие, чтобы жить и быть активным. Если этого усилия нет, то тогда Dasein придумывает (представляет) мир и перестает заботиться о себе в виде активного, мужественного, решительного действия. Как следствие «свет» (смысл) исчезает, но выступает хаос Ничто (хаос незнакомого) и пространство для жизни становится очень ограниченным. Dasein (существование), чтобы не провоцировать Ужас перед неизвестным, ограничивает само себя, но переживает свои запреты самому себе как запреты мира (З. Фрейд называет такой механизм проекцией) и тогда че-

ловеку ничего нельзя - невозможно: «...важно заметить, что язык вещей ограничивается приказыванием или запрещением и что сама пациентка видит свое «спасение» в строжайшем повиновении запрещениям или приказам этих плодов ее собственной фантазии».

В итоге, (если принять во внимание укорененность взглядов Л. Бинсвангера в философию М. Хайдеггера) с одной стороны, незнакомое, человеком Л. Бинсвангера, объективируется и дробится на врагов во внешнем мире, а с другой стороны - расширяется и захватывает его, т.к. вместо того, чтобы мужественно переживать экзистенциальную тревогу, Dasein вытесняет ее и объективирует (делает ее «наличной»), создавая эффект «парового котла», который взрываясь расщепляет человека, в силу того, что «наличное» бытие потеряло силы на выстраивание защиты от тревоги в виде запретов. В этом случае между человеком и миром нет созвучия, нет соразмерности.

Л. Бинсвангер считает, что любовь и дружба – те экзистенциалы, которые охраняют Dasein от несоразмерности по «ширине» и «высоте». Когда человек полностью отдает себя любви и дружбе (по сути, когда другой имеет значение сам по себе, бескорыстно, без переделывания другого под свои представления), тогда он имеет свое место в жизни, он «дома».

Можно понять, что в случае истинной любви и дружбы человеку удастся попасть в «просвет бытия» и понять смысл существования, хотя онтологические основы любви и дружбы самим Л. Бинсвангером не проясняются.

Обсуждая вопрос о несоразмерности между человеком и миром, Л. Бинсвангер отмечает, что результатом такой несоразмерности может стать или «экстравагантность» или маниакальная «скачка идей». «Экстравагантность» проявляется в превосходстве «высоты» над «шириной». Такой человек не имеет конкретного опыта во внешнем мире и шагнув вверх, «...на одну определенную ступеньку, он застревает на этом уровне».

Положение человека неустойчивое (как на «пике Победы»), взросление (становление) не осуществляется, т.к. очень узок его «трансцендентальный горизонт» как мир его возможного и действительного опыта. Переживание экзистенциальной тревоги истощает Dasein, т.к. заставляет изобретать каждый раз все более жесткую и изощренную защиту, тогда-то человек и начинает обвинять внешний мир в том, что у него что-то не получилось. Свой внутренний мир не понимается и с себя ответственность снимается, в результате возникает зависимость от внешнего мира. Но так как подъем был, «что-то» уже человек умеет, тогда это «что-то» в силу фиксированности и абсолютизации приобретает навязчивый характер, круг возможностей становится узким, рождая однозначный

«проект мира» и фикс-идею. Dasein становится «экстравагантным». Л. Бинсвангер пишет, что «экстравагантность» – это «...абсолютизирование отдельного решения» [3].

По сути, это несвободное, «зброшенное» существование, т.к. Dasein не заботится о самом себе и фиксирует только один способ существования в мире. В некотором приближении это то, о чем М. Хайдеггер пишет: «Средняя повседневность становится слепа к возможностям и успокаивается одним «действительным»».

В случае «скачки идей», проблема несоразмерного существования исследуется Л. Бинсвангером как преобладание «ширины» над «высотой – глубиной». Вместо того, чтобы размеренно шагать вперед и делать усилие, поднимаясь вверх, человек выпрыгивает в бесконечное, а подъем подчиняется желаниям и фантазиям, а не сознательному выбору. Познание в этом случае неглубокое, т.к. не хватает мудрости. Dasein носит маниакальный характер, его растягивает из стороны в сторону, это шаткое бытие, которое не умеет совершать усилие, принимать решения.

Dasein, в понимании Л. Бинсвангера, как «зброшенное» существование ограничено обязательствами перед внешним миром и со стороны внешнего мира. И в этом его достоинство, чтобы состояться (как было отмечено) надо преодолевать и делать усилия. Dasein должно принимать свою «зброшенность», безосновность и тогда существование человека будет зависеть от его силы жить. Л. Бинсвангер, вслед за М. Хайдеггером, отмечает, что Dasein как человеческое существование, никогда не достигает полной власти над своим основанием – Бытием. Но как реальное существование (как «Я»), оно должно стать самим собой и круг, в границах которого мир для человека понимаем, должен быть достаточно широким и глубоким.

Отсюда понятно, что сила жить, в концепции Л. Бинсвангера, возникает из «трансцендентального горизонта», а «омирение» (представление о мире) ограничивает свободу и силу Dasein. «Озабочение» существования о самом себе рождает сильное «Я». Психическая болезнь – это нарушение целостности Dasein, как совокупности всех его онтических возможностей. Если событие внешнего мира не ассимилировано внутренним миром (не понято), то оно остается за «трансцендентальным горизонтом» и воспринимается как «Ужасное» и «Внезапное». «Я» не признает его, поэтому, сколько бы не повторялось событие, экзистенциальная тревога не позволит его ассимилировать, сделать своим, пережить как «Я» [4].

Таким образом, фокусировка собственной топики в концепции Л. Бинсвангера связана с «силой жить» и осмысливается через сопряжение «трансцендентального горизонта» (открытости) и «омирения».

ЛИТЕРАТУРА

1. Аралова Е.В. Философские основы духовности: монография. – М.: Инфра-М, 2021 - 262
2. Бинсвангер Л. Бытие – в мире. – М.: КСП; СПб.: Ювента, 1999. – 300 с.
3. Бинсвангер Л. Феноменология и психопатология // Логос. – 1992. -№ 3. С 125 – 135.
4. Бинсвангер Л. Экзистенциально – аналитическая школа мысли // Экзистенциальная психология. – М.: Апрель – Прель, ЭКСМО – Пресс, 2001. – С. 308 – 333.
5. Захарова Е.Ю. Виртуальные практики в структуре бытия человека // Евразийский юридический журнал. 2019. № 9(136). С.417-418.
6. Прологомены к системно-антропологической теории мышления // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т.21. № 1(77). С.112-120.
7. Равочкин Н.Н. Экзистенциальная психология как вариант психологии индивидуальности // Вестник магистратуры. 2014. № 12(4). С.90-92.
8. Спектор Д.М. От психологии смысла к смыслу психологии. Экзистенциальные архетипы // Психология и психотехника. 2015. № 1. С.22-32.
9. Чумаков А.Н. Путь в философию. Работы разных лет: монография. – М.: Проспект, 2021 - 608 с.

© Чернышева Марина Михайловна (chernarina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Морской Государственный Университет Г.И. Невельского